

тика чувашская с российским, 20 коп.». Значит, эта грамматика вышла в 1769 г. В типографии она была в работе с 12 января до мая месяца 1769 г. Разрыв во времени издания грамматики чувашского языка и двух других грамматик получился потому, что одно время Вениамина обвиняли в сотрудничестве с Пугачевым, хотя, как показывают исторические документы, он остался верным слугой церкви и царя¹. Поэтому поступившие еще в 1770 г. в марте месяце в Академию наук от Вениамина² последние две грамматики вышли из печати только в 1775 г., после снятия с него «виновности»; отсутствие нужных документов в архиве и упоминаний в прессе позволяет считать неосновательной версию о якобы имевшем место в 1775 г. переиздании «Сочинений, принадлежащих к грамматике чувашского языка»³.

¹ См. «Миссионерский противомусульманский сборник», стр. 75.

² Архив АН СССР, фонд 3, опись 1, № 541, стр. 181.

³ См. об этом: В. Г. Егоров, указ. соч., стр. 86—87.

Относительно места издания «Сочинений, принадлежащих к грамматике чувашского языка» также существуют три точки зрения (типография АН в Петербурге, типография Московского университета, синодальная типография в Москве)⁴. Сличение этой книги с изданиями типографии Московского университета и Московской синодальной типографии показало коренные отличия ее от этих изданий и полное полиграфическое сходство ее (как и двух других указанных грамматик) с изданиями типографии АН в Петербурге.

Подводя итог всему сказанному выше, можно считать установленным, что автором «Сочинений, принадлежащих к грамматике чувашского языка», является Вениамин (Василий Пунец-Григорович); книга напечатана в типографии Императорской Академии наук в Санкт-Петербурге и вышла в свет в 1769 г.

В. Т. Терентьев

⁴ См. об этом, например: В. Г. Егоров, указ. соч., стр. 86.

НАД ЧЕМ РАБОТАЮТ УЧЕНЫЕ

В центре моего внимания сейчас находится работа над книгой «Основные проблемы общего языкознания», которая будет состоять из двух основных частей: 1) предмет языкознания и 2) категории языкознания. Вопрос о предмете языкознания изучается мной не только в теоретическом плане; я связываю его изучение с исследованием материала, преимущественно русского языка. В настоящий момент я занята конкретизацией понятия «языковой нормы», которая противопоставляется, с одной стороны, «языковой системе», а с другой — «речи». По-видимому, именно «норма» является предметом собственно языкознания, в отличие от смежных с языкознанием наук, занимающихся либо поисками «системы» как «абстракции второго порядка», либо эмпирикой «речи».

Вопрос о языковедческих категориях оказался неразрывно связанным с проблемой лингвистической терминологии. Сейчас я закончила первый этап собирания материала (моя картотека, насчитывающая около 15 000 карточек, получена расписыванием основных словарей и основных лингвистических монографий). Сейчас уже намечается возможность классификации по следующим принципам: 1) временной момент («старая» vs. «новая» терминология); 2) общепринятость vs. специфичность для данного направления; 3) обусловленность (необусловленность) типологическими особенностями той или другой группы языков и 4) принадлежность к тому или другому аспекту языка или к языку vs. речи. Уже выполненная работа с несомненностью свидетельствует о том, что в результате бурного развития языкознания последних 25 лет и особенно последнего десятилетия терми-

нологическое исследование как путь к изучению современного состояния нашей науки становится одной из центральных проблем.

В связи с руководством кафедрой английского языка в МГУ и чтением соответствующих курсов я постоянно занимаюсь современным английским языком. В настоящее время продолжаю работу над книгой «Основные закономерности построения английской речи», в которой значительное место занимает также сопоставление английского языка с другими германскими языками.

О. С. Азманова
(Москва)

В настоящее время я работаю главным образом над изучением грамматического строя тюркских языков и, в частности, над изучением структуры предложения и словосочетания как двух противопоставляющихся по содержанию и форме синтаксических единиц, а в связи с этим — и над общими вопросами соотношения категорий языка и мышления. В ближайшие годы я предполагаю подвести итоги этой работы в небольшой монографии о грамматическом строе тюркских языков, а также в двух последующих томах (III и IV) моей большой монографии «Каракалпакский язык», первые два тома которой уже изданы.

Вторая тема, над которой я только начал работу, — «Булгарские, огузские и кыпчакские тюркизмы в русском языке» — возникла в связи с моими занятиями по составлению различных русско-тюркских и тюркско-русских словарей. В качестве итога работы над этой темой я предполагаю дать небольшой этимологический сло-

варь с вводной частью о типах и характере этих заимствований и их периодизации.

Третьим разделом моей научной работы является описание живых диалектов современного алтайского языка. В настоящее время я завершил работу над «Введением в изучение алтайских диалектов» (опубликовано в 1958 г.) и над большой монографией «Кумандинский диалект» (20 авт. л.). В 1961 г. будет завершена другая монография — «Диалект Туба» (20—25 авт. л.).

Из текущих отдельных работ следует указать на завершение относительно большого «Каракалпакско-русского словаря», над которым я работал около 30 лет, а также на составление караимско-русско-польского словаря, работа над которым ведется по плану Института языкознания АН СССР в тесном сотрудничестве с Польской Академией наук.

К текущей же тематике я отношу продолжение работы над изучением истории и над классификацией тюркских языков. Эта работа мною уже была оформлена в виде отдельных статей, а также в виде монографии «Тюркские языки» (18 авт. л.), которая должна быть опубликована в 1959 г. Однако разработку этой темы я не считаю еще законченной и предполагаю в будущем провести дополнительные исследования, а также значительно пополнить эту монографию за счет новых глав («О строе тюркских языков»; «Об истории их изучения»; «О единой транскрипции для тюркских языков» и др.).

Наконец, довольно значительное время я посвящаю также научно-организационной работе, главным образом по линии координации деятельности союзных Академий наук в области изучения тюркских языков и, в частности, по организации координационных совещаний по грамматике, лексикографии и диалектологии тюркских языков.

Н. А. Баскаков
(Москва)

1) В этом году я вместе с другими членами кафедры русского языка в университете приступила к созданию двухтомного учебника по современному русскому языку; 2) работаю над выяснением безличности предложений в древнерусском языке.

Е. М. Галкина-Федорук
(Москва)

В настоящее время я работаю над Большим англо-русским словарем. Издательство иностранных и национальных словарей поручило мне общее руководство авторским коллективом, работающим над составлением этого двухтомного словаря на 100 тыс. слов и объемом в 300 печ. л. Это будет наиболее полный из всех выходивших до сих пор англо-русских словарей. Терминологическая часть словаря займет около 50 печ. л. Каждая словарная статья должна дать описание смысловой структуры слова, его стилистической, грамматической, синтагматической (понимая под этим возможность слова вступать в соче-

тания с другими словами), фразеологической и других характеристик. Словарь будет снабжен примерами, иллюстрирующими употребление слова, и вариантами перевода этого слова в его сочетаниях с другими словами. Примерный словник уже составлен, и сейчас ведется интенсивная работа по подбору иллюстративного материала из художественной, политической и научной литературы.

В связи с работой над словарем появилась необходимость пересмотреть некоторые принципы английской лексикографии. В следующем году я намерен закончить работу, в которой, кроме семасологических заметок, будет дана критика положений структурализма, касающихся вопросов значения в анализе форм слова современного английского языка.

В 1959 г. я продолжаю работать над своими «Очерками по стилистике английского языка», которые вышли в 1958 г. Наблюдения, проводимые мной над особенностями языка английской газеты и над языковыми средствами, которые применяются современными писателями Англии и Америки, дают новый материал, показывающий характер колебаний нормы современного английского литературного языка.

Не отрываясь от практических целей обучения английскому языку в специальных институтах иностранных языков, я продолжаю работать над созданием серии учебников для этого типа учебных заведений. Как редактору этой серии мне приходится вместе с авторскими коллективами вырабатывать новую систему организации учебного материала, отвечающую задачам, поставленным перестройкой среднего и высшего образования, и намечать пути для более эффективного овладения предметом при совмещении учебы с работой.

И. Р. Гальперин
(Москва)

В настоящее время: 1) пополняю новыми материалами и перерабатываю раздел орфоэпии из своего курса в МГПИ им. В. И. Ленина; написал статью «Основные положения русской орфоэпии» (2 печ. л.); 2) собираю новые материалы для пополнения напечатанного в 1956—1957 уч. году научно-методическим кабинетом по заочному обучению учителей при Министерстве просвещения РСФСР пособия для заочников: «Современный русский язык. Морфология»; 3) по обязанности зав. кафедрой русского языка МГПИ им. В. И. Ленина возглавляю редколлегия, вместе с которой подбираю и редактирую статьи членов кафедры (преимущественно по современному русскому языку) для очередного выпуска (№ 10) «Ученых записок»; 4) написал статью «Из истории кафедры русского языка МГПИ им. В. И. Ленина» (1 печ. л.), предназначенную для очередного выпуска «Ученых записок» кафедры.

И. Г. Голанов
(Москва)

Сейчас я заканчиваю исследование «Происхождение некоторых русских географических названий Западной Сибири», в котором рассматривается свыше 1100 топонимов кетского происхождения. Эта тема является продолжением написанной в 1957 г. статья «Былое расселение кетов по данным топонимики» и представляет попытку разрешения одного частного вопроса из круга проблем этносовета дорусского населения Западной Сибири, смены языков на этой территории, времени и условий проникновения отдельных языков (угорских, самодийских, тюркских, кетских и монгольских). Этот круг проблем изучается комплексным путем, а необходимые данные собираются преимущественно в ежегодных экспедициях, в результате проведения которых накоплен большой материал по фонетике, лексике и морфологии языка чулымских и нижнетомских тюрков, селькупов, хантов, елогуйских и курейских кетов. Собранный материал позволил выработать довольно надежную методику этимологического анализа топонимов тех мест Сибири, где указанные языки являются субстратом или субсубстратом.

Исследованием устанавливается, что значительно пространство Западной Сибири (почти вся Томская, Кемеровская, Хакасская области, часть Омской и Новосибирской областей, Алтайского края и Тувы) в прошлом, большей частью до появления тюрков в этих местах, было заселено кетами, которых русские застали в XVII в. фактически только на Енисее. Кроме того, выяснены ареалы древнего расселения 5 кетоязычных народов (ассанов, аринов, коттов, пумпоколов и енисейских кетов). Ближайшая дата проживания кетов на юге Западной Сибири определяется тем, что слово *юл*, заимствованное из ассанского, имеется уже в древнетюркском и стало общим названием реки почти во всех восточнотюркских языках и наречиях (в вариантах *юл*, *тюл*, *чул*, *джул*, *шул*).

В области топонимики в дальнейшем предполагается установить ареалы былого расселения угров и самодийских народов, а также уточнить лингвистические особенности и ареалы древнейшего слоя в топонимии Западной Сибири, условно называемого палеосибирским. В области исследования живых языков Западной Сибири думаю продолжить в расширенном виде изучение фонетики, лексики и морфологии, в особенности селькупского и кетского языков.

А. П. Дульзон
(Томск)

для монографии о Сборнике Кирши Данилова, которым я давно занимаюсь; монографию предполагаю закончить в 1964—1965 гг.

А. П. Евсеньева
(Ленинград)

Мои работы не являются собственно языковедческими в узком значении этого термина. Более того, тема, над которой я сейчас работаю, может показаться необычной и даже странной — это процесс *з в у к о в о й к о м м у н и к а ц и и* обезьян. Не я выдумал такую тему, а весь ход полученных в последнее время наблюдений заставил меня заняться этим вопросом.

Пресловутая диктиция — язык и речь — имеет смысл. Обычно она выдвигается для того, чтобы выделить первую часть этого противопоставления, оставив речь в тени. Но к языку можно подойти, и даже более строго экспериментально, с другого конца, а именно — через речь. Тогда окажется, что речь — это просто цепочка слогов, поддающаяся довольно точному физическому измерению почти по всем параметрам. Исследуя эту цепочку, нетрудно обнаружить закономерную повторяемость элементов и такие же закономерные замены одних элементов цепи другими по определенным правилам. Но это уже язык и грамматика, которая представляет собой совокупность алгоритмов, или правил строения слоговой цепи.

Очень кратко это положение можно иллюстрировать так. Пусть список попарно различных символов, которые будем называть буквами, составит алфавит. Например, а, b, c, d, ... — алфавит. После отбора из алфавита одной или нескольких букв их можно поставить в строчку. Составленную таким способом совокупность элементов будем называть словом. Например, а; аба; ааа; bc; bdaa — слова. Если окажется, что какое-нибудь слово в строчке по определенному правилу может быть заменено другим словом, то само это правило назовем алгоритмом и будем говорить, что некоторая совокупность алгоритмов перерабатывает исходное (начальное) слово в конечное, т. е. в такое, к которому не применим никакой новый алгоритм. Например, для русского языка слово *бег* может иметь 6 замен (вхождений) справа. Введем символ $\wedge$, не являющийся буквой, а обозначающий пустое слово (т. е. такое, которое не содержит ни одной буквы алфавита). Тогда слово *бег* можно записать: *бег* · $\wedge$, где точка не является буквой алфавита, а обозначает место вхождения одного слова в другое. Алгоритм запишем так: $\wedge \rightarrow a; \wedge \rightarrow y; \wedge \rightarrow \wedge; \wedge \rightarrow om; \wedge \rightarrow e$. Запись обозначает, что слово слева от черточки может быть заменено словом, стоящим вправо от нее, или: *бег* · $\wedge$; *бег* · а; *бег* · у; *бег* · $\wedge$; *бег* · om; (о) *бег* · e (парадигма склонения для класса слов *бег* · $\wedge$). Вхождение может быть сделано и слева, например: *по* · *бег*; *за* · *бег*. В этом случае переработанные алгоритмом слова остаются

1) Продолжаю работу над словарем в редколлегии четырехтомного «Словаря русского языка» (в настоящее время заканчивается подготовка к печати III тома, который должен выйти в свет в 1959 г.); 2) готовлю к печати книгу «Очерки по языку русской устной поэзии в записях XVII—XIX вв.»; 3) собираю материал

в том же классе (существит. муж. рода) и сохраняют вышеуказанную цепочку шести смежных слов; возможны также вхождения, которые перерабатывают слово одного класса в слово другого [например, *бег-ать* (глагол)]. Такой класс слов имеет свой особый алгоритм вхождений (парадигма склонения), благодаря чему образуется новая цепочка смежных слов.

Продолжая, можно таким способом описать всю грамматику данного языка. В конце концов мы найдем все алгоритмы переработки начальных слов в конечные. Так, например, *я бегу* — конечное слово, потому что в русском языке существует алгоритм, разрешающий в этом случае не делать новых вхождений, хотя они и возможны (*я бегу быстро*; *я бегу домой*). Слово *быстро бежать по улице домой* не является конечным. Алгоритм конечного слова может быть точно определен, а его формула — записана.

Вышеуказанным символам *a*, *b*, *c*, *d*, названным буквами алфавита, можно придать произвольно любое значение. Это могут быть, например, цвета, химические элементы, звуки, группа звуков, изображение и т. п. Однако раз введенное значение должно сохраняться, а отдельные алгоритмические вхождения слов (инвариантные последовательности букв) будут различаться по выполняемой функции. Таким образом могут быть определены единицы данной системы, например языка. Так, инвариантные слова *по*; *ать*; *бег* должны быть признаны особой единицей (неполные слова), а такие, как *по-бег*; *бег-А*; *бег-ать*, следует рассматривать как единицы другой категории (полные слова). Аналогично слово *бежать быстро* может быть названо неполной синтагмой, а *я бегу* — полной синтагмой.

Среди подобных единиц может быть найдена такая, как *с л о г*. Эта единица отличается от остальных некоторыми особенностями. Слог является материальным реализатором всех других языковых единиц. Речевой прибор человека не способен делать ничего другого, как только производить слоги, поэтому все алгоритмы языка будут реализовываться в слоговой цепи. Однако материальное значение слова как реализатора может изменяться. Так, в устной речи слог — это звук, в письменной — начертательное изображение, а при передаче речи по линиям связи — это группа электрических сигналов.

Первоначально кажется, что для осуществления алгоритмов языка безразлично, каково именно материальное значение слога. Слово *бег-А* остается тем же самым по своим алгоритмическим вхождениям, независимо от того — произносим мы его, пишем, слышим или передаем по линиям связи. В действительности же представляет величайший теоретический и практический интерес узнать, как именно изменилось слоговое значение, т. е. как произошла материальная подстановка при реализации языка. Если поданный на входе линии связи электри-

ческий сигнал за время передачи изменится больше известного предела, то на выходе линии уже не будет слова *бег-А*. То же может произойти и в обычной устной речи, когда слоговая цепь передается по воздушной среде.

Но, пожалуй, наиболее показательно то, что произойдет при приеме и при записи письменной речи. Человек, читая, не просто видит очертания букв, но выделяет и соединяет неполные и полные слова, разграничивает и синтезирует неполные и полные синтагмы и т. п. Никто не может подумать, что все эти процессы произойдут без всякой материальной реализации. Конечно, слоговая цепь перейдет на какую-то новую материальную подстановку. Появится то, что хочется назвать «внутренней интонацией» и о чем уже собраны некоторые факты и наблюдения. К этому следует добавить особенно интересный процесс перестройки так называемых лексических значений. Ведь человек всегда встречает обращенную к нему речь в некоторой системе сложившихся у него лексических значений. Он встречает ее «своими словами», «переводит» на свои лексические значения. В результате понимание в той или другой мере всегда сопровождается долей непонимания. Две системы — узуально сложившийся язык и индивидуально усвоенный язык — стремятся к равновесию. Можно думать, что сохранение этого равновесия приводит, с одной стороны, к индивидуальным перестройкам системы усвояемого языка (пластичность), а с другой стороны, к изменениям языкового узуса (история языка). Нарушение равновесия делает узуальный язык мертвым, если сохранилась его письменность, и приводит к полному забвению, если не сохранилось письменности.

Все это свидетельствует о том, что материальные перестройки реализатора языка (или цепь преобразований материальных подстановок, начиная от звуковой слоговой цепи) сказываются на всей системе языка. Идя по этой тропинке, мы можем выбраться на большую дорогу с далекими перспективами. Проблема слога, так мало еще разработанная, приобретает фундаментальное значение: она становится исходным пунктом для строго экспериментального анализа явлений, связанных с основными вопросами теории языка.

Вначале, конечно, возникают элементарные проблемы — что такое слог, как он образуется, что в него входит, как составляется слоговая цепь и как она управляется алгоритмами? Эти вопросы становятся более ясными, если исследовать также и меру потери взаимного понимания говорящих при дефектах слоговой цепи. В этом отношении изучение афазий, глухонемых и заикания доставляет богатейший материал. Но, пожалуй, еще интереснее те случаи, в которых при наличии слога отсутствует управление структурой слоговой цепи. Такова коммуникативная звуковая система обезьян. По этому вопросу мной собран некоторый материал в Сухумском обезьяньем питомнике, где

большое стадо павианов-гамадрилов живет в естественных условиях. Получены спектры обезьяньих звуков и проведены рентгеноскопические наблюдения. Выводы таковы. В состав звуковых комплексов гамадрила входят *a*, *o*, *y*, носовое *o* и что-то похожее на *и*. По спектральным данным все это относится к общему типу соответствующих человеческих звуков речи, в частности спектры обезьяньего сигнала переклички *au* очень похожи на английский и латышский дифтонги. При всем этом можно показать, что у обезьян нет фонем, нет перестановки звуковых элементов и нет переходов от гласного к несонорному согласному. Это значит, что в разбираемой системе нет алгоритмов языка. И все же эта система является коммуникативной — обезьяны передают друг другу сообщения, что сразу и легко обнаруживается при простом наблюдении.

Эти исследования были предприняты для того, чтобы новыми, дополнительными фактами подкрепить защищаемую мною гипотезу глоточного образования слога. Рентгеноскопические наблюдения показывают, что у обезьян во время сигнальной фонации глоточная трубка не модулирует, в то время как у человека объем и форма этой трубки изменяются и на каждом звуке, входящем в слог, и от слога к слогу. Отсюда следует фундаментальный вывод общего значения о роли переходного акустического процесса в речевом произнесении.

Фонетика родилась в тот момент, когда она стала отличать звук от буквы. Она сделала второй значительный шаг вперед, когда была открыта фонема. Теперь ей предстоит сделать третий шаг — найти соотношение между фонемой и формантой. Форманта — это некоторое инвариантное свойство звукового спектра. Форманты могут быть и неязыковыми, а, например, певческими или голосовыми (узнавание голоса). Однако теории языковых формант еще не существует. Одни исследователи находят в речевом звуке две, другие одну, некоторые три и четыре области формант. Иные же вообще «отчаиваются» в поисках точного определения языковых формант. Все эти затруднения возникают потому, что не учитывается переходный акустический процесс. Звуки в составе слоговой цепочки не нанизываются один за другим, как бусы на нитку, а взаимно переходят; при этом влияние сказывается не только на соседних звуках, но и на более отдаленных. Спектры звука в разных позициях слоговой цепи могут быть очень различны. Спектры *д* в словах *дома* и *мода* различны, хотя оба слова как будто составлены из одинаковых звуков. Следует признать, что в языке существует алгоритм замены формант. Соответственно этому мы признаем одной и той же данную фонему как словоразличитель, хотя форманты звука заменяются, ибо правило такой замены санкционировано нормой языка. Тогда фонему можно определить как неполный звук, а слог — как полный звук.

Необходимость замены формант возникает только там, где из ограниченного алфавита неполных звуков составляются слоги, различающиеся по последовательности элементов. Так как у обезьян последовательность звуков в сигнальном комплексе постоянна (т. е. нет перестановок), то у них нет фонем и нет необходимости в замене формант. В конечном счете дело сводится к тому, что в фонационном приборе обезьян нет центрального управления глоточной трубкой, которая является органом слогообразования и переходных процессов.

Другой темой, которой я продолжаю заниматься, является внутренняя речь. Закончена статья о роли речедвижений в процессе внутренней речи. Из экспериментальных фактов вытекает, что у взрослого человека решение умственных задач происходит часто без произнесения слов про себя. Слова не только сильнейшим образом редуцируются, но и целиком замещаются другими, более простыми и не суксесивными сигналами. Этот вопрос имеет первостепенное значение для понимания процесса отбора слов.

В будущем мне хотелось бы заняться экспериментальным исследованием явления так называемой напряженности звуков речи. Эта величина, с одной стороны, является дискретной, так как принадлежит к качеству отдельного звука речи, с другой стороны, она изменяется непрерывно в слоговой цепи. Однако отсутствие комплексной, всесторонне оборудованной экспериментальной лаборатории мешает осуществлению этого замысла.

Н. И. Жинкин
(Москва)

В настоящее время продолжаю заниматься теми вопросами теории языка, которые выдвигаются на первый план благодаря развитию прикладного языкознания, в частности машинного перевода. Свои взгляды на взаимодействие теоретического и прикладного языкознания я изложил в работе, печатающейся в сб. № 2 «Материалов по машинному переводу», издаваемых Ленинградским университетом; в сб. № 1 «Материалов» (Л., 1958) напечатана моя статья о лингвистических вопросах построения информационных машин. Мне представляется, что создающаяся в связи с практикой машинного перевода общая теория отношений между языковыми системами может иметь такое же значение для строгого обоснования ряда разделов языкознания, какое теория множеств имела для построения различных областей современной математики. Применительно к сравнительно-историческому языкознанию это положение я пробую обосновать в докладе, прочитанном мною на совещании по математической лингвистике, созванном Ленинградским университетом (статья, представляющая собой опыт такого истолкования некоторых проблем компаративистики, напечатана в сб. «Вопросы статистики речи», Л., 1958).

По отношению к восприятию иностранного языка сходные тезисы я отстаивал на созванной I МГПИИЯ конференции по использованию технических средств при обучении иностранным языкам. В качестве члена бригады ученых под руководством акад. А.И. Берга участвовал в составлении записки по основным вопросам кибернетики; как член Научного совета по кибернетике при АН СССР буду продолжать работу в этой области.

Одновременно с работой по машинному переводу, начатой мной в Институте точной механики и вычислительной техники АН СССР, продолжаю занятия древними индоевропейскими языками, расшифрованными в XX в. Написал работу о значении тохарских языков для индоевристики (печатающееся введение к составленному мной и И. А. Мельчуком сборнику статей по тохарским языкам). В связи с новыми публикациями тохарских текстов занимался вопросом о названии «тохарского» языка В, который нужно определить как «кучанский» на основании текстов, изданных В. С. Воробьевым-Десятовским и В. Виштером (ср. в особенности кучанское самоназвание *kucayñe*, соответствующее согдийскому *ākičāne* = 'kwč'ñ'y).

Для хрестоматии по истории древнего мира сделал новый перевод хеттских законов; для издаваемого Союзгизом сборника документов по истории человечества перевожу также и другие памятники клинописного хеттского языка; обоснование предлагаемых мной переводов будет дано в серии хеттологических статей, которые готовлю для «Вестника древней истории». Разгрузившись от ряда лекционных курсов, думаю использовать освободившееся время для завершения монографии о хеттском словообразовании в сравнительно-историческом освещении. Подготовил статью о хеттских энклитиках и законе Вакернателя. Вопросам истории культуры и религии хеттов и этимологии отдельных хеттских слов посвящено несколько моих статей, находящихся в печати («О культе огня у хеттов», «Русское *молить* и хеттское *mal-dai*», «Из истории индоевропейской лексики клинописного хеттского языка», «К этимологии русского *пастби*»). Результаты своих работ по лувийскому языку опубликовал в сборнике «Исследования в честь на акад. Димитрия Дечева», София, 1958). Продолжаю заниматься греческими крито-микенскими текстами линейного письма В, анализу которых был посвящен курс лекций, начатый мной в минувшем году. Опубликованные в 1958 г. Э. Беннетом тексты «табличек оливкового масла» заставили меня заняться вопросом о микенском греческом термине *wa-na-ka-te*, употребление которого в этих текстах в качестве имени бога (а не в значении «царь», ср. позднейшее 'αναξ) подтверждает старое сопоставление с тохарским А *ñkāt* «бог». Занимаясь древними греческо-арийскими фразеологическими изгlossами, я был поражен тождеством ведийского *pāmadhēya* «установление имен» и греческого сочетания тех же корней в

аналогичном термине *δνομαθέτης* «установитель имен»; здесь можно видеть следы общей греческо-арийской лексики, связанной с мифом о происхождении языка и поэтому представляющей интерес для истории языкознания. Этой проблеме я предполагаю посвятить особую статью.

Для серии описаний языков, выходящей в Издательстве восточной литературы к Международному востоковедческому съезду в Ленинграде, пишу совместно с В. Н. Топоровым очерк санскрита. В связи с курсом сравнительной грамматики балтийских языков и курсом прусского языка, которые были мной подготовлены и начаты в прошлом году, предполагаю написать несколько статей по прусской этимологии (в частности, о возможности объяснения прусской и общепольской формы названия «медведя» из метатезы и развития **tr>il* в общепольской форме, отраженной в хеттском *hartaggaš*; о точном соответствии прусскому *smūni* «лицо» ирландского *duine* «лицо», образованного от того же названия «земли»). Результаты разысканий по балтийской акцентологии изложил в статье, печатающейся в сборнике в честь Я. М. Эндзелина. В связи с прочитанным мной в минувшем году курсом фонологии старославянского языка подготовил дистрибутивное описание его фонологической системы, развивающее анализ распределения старославянских фонем в курсе Н. С. Трубачева; занимался также проблемой внутренней реконструкции праславянского *dž*. Для решения некоторых типологических проблем занимаюсь абхазским (в частности, инкорпорацией именных морфем в абхазских глагольных комплексах типа *л-багоуп* «собака-хорошая-есть») и кетским (енисейско-остяцким). Заключивая популярный обзор современной компаративистики. Работаю над статьей о значении сложносокращенных слов для теории языка. Предполагаю также подготовить к печати курс общего языкознания, прочитанный мной в I МГПИИЯ (конспект части этого курса содержится в моем «Учебно-методическом пособии по курсу „Основы языкознания“», недавно вышедшем из печати).

Вяч. В. Иванов
(Москва)

В настоящее время я работаю над темой «Сложноподчиненное предложение в современном английском языке». В этой работе рассматриваются вопросы структуры сложноподчиненного предложения с следующих точек зрения: 1) различные степени подчинения (подчиненные предложения, непосредственно зависящие от главного; подчиненные предложения, зависящие от подчиненных предложений первой степени, и т. д.), 2) сочетания подчиненных предложений различных типов (подлежащие, сказуемые, дополнительные и т. д.), 3) различия между повествовательной прозой, диалогом и т. д. в отношении структуры сложноподчиненного предложения. Работу намечено опублико-

вать в виде 2—3 статей в «Ученых записках» ЛГПИ им. А. И. Герцена.

В дальнейшем предполагаю заняться вопросом о синтаксическом строении стиха в английской литературе XVI—XVII вв.

Б. А. Ильин
(Ленинград)

Сектор языка Мордовского научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики в настоящее время заканчивает составление описательной грамматики мордовских языков. Это коллективный труд, в котором принимают участие все работники сектора. Лично я работаю над разделами «Словообразование» и «Синтаксис».

В 1958 г. сектор начал работу по изучению мордовских диалектов. Изучение диалектов на первые 5—7 лет намечено проводить методами исследования и описания лексики, фонетики и морфологии наиболее характерных диалектов. В настоящее время изучаются восемь таких диалектов. Летом 1958 г. были проведены две экспедиции по собиранию диалектологического материала, в которых принимали участие работники Сектора языка, кафедры мордовских языков Мордовского государственного университета, аспиранты и студенты. С осени проводится обработка собранного материала, а также отдельные выезды на территории изучаемых диалектов. В результате этой работы намечается периодическое издание «Очерков мордовских диалектов». Изучение диалектов мордовских языков и будет основной моей работой и работой Сектора языка в ближайшие 5—7 лет.

М. Н. Коляденков
(Саранск)

Готовлю к печати монографию по истории языка художественной литературы «О языке писателей-демократов 60—70-х гг. XIX в.». В работе исследуются особенности книжной, научной, народноразговорной и других видов речи, отраженные в очерках, рассказах и романах писателей-демократов, и производится анализ приемов пользования различными типами речи, появившимися в реалистической литературе в связи с решением новых задач художественного изображения общественной жизни.

Стиль писателей-демократов составляет как бы новый этап в преодолении канонов традиционной поэзии. Опираясь на принципы эстетики Чернышевского, писатели-демократы стремятся устранить из произведения авторское «я», выступавшее на первое место в сентиментальных, романтических, а нередко и реалистических произведениях (см., например, сочинения Барона Брамбеуса, фельетоны Дружинина и др.). Писатели-демократы усиливают диалог и часто прибегают к сказу; при этом в роли рассказчика выступает персонаж, наиболее удаленный от автора и как бы сливающийся с изображаемой средой.

В диалоге и сказе применяются различные виды народноразговорной речи; воспроизводится разговорная, деловая или научная речь, лишенная традиционных элементов художественности. Основным приемом использования языкового материала у писателей-демократов является усиление стилистической и социально-стилистической окраски речи (раньше этот прием развивался преимущественно в драматических жанрах).

Написана статья «О толковании диалектной лексики в советских изданиях художественной литературы XIX в.».

В результате изучения литературного языка XVIII в. написана статья «Забитые страницы „О слове и словесности“ В. К. Тредьяковского».

В ходе работы над диалектной лексикой подготовлены заметки: «Конь и лошадь в истории русского языка» и «О неправильном толковании диалектных образований *пошел в ягоды, пошел в грибы*».

В связи с возникшим у славистов интересом к топонимическим образованиям типа *Podgóra, Zalas* (см. исследования и статьи М. Карся, И. Роспонда, В. Ташицкого, К. Дейны и др.) и отсутствием печатных сведений о распространении этого типа в русских говорах и памятниках письменности подготовлена статья-информация о топонимике полей, топей и мелей («сушек») в Калининской и Псковской областях.

С. А. Копорский
(Москва)

В результате многолетних исследований диалектов аварского языка у меня накопился обширный фактический материал, который служит базой для изучения исторических путей развития фонетики, морфологии и лексики языка в целом. Отсутствие памятников письменности, исходя из языкового материала которых можно было бы объяснить факты истории аварского языка, заставляет нас всецело опираться на диалектные данные. В таком аспекте построена моя недавно выпущенная в свет книга «Сравнительно-историческая фонетика аварских диалектов», в которой сделаны попытки показать историческое развитие фонетической системы аварского языка и воссоздать прааварскую фонетическую систему.

В таком же плане я завершил работу над темой «Сравнительно-историческая морфология аварских диалектов». Однако исследования затруднялись тем, что для исторического объяснения морфологических фактов аварского языка приходилось выходить за пределы его диалектов, в область родственных и особенно близко родственных андо-цесских языков, по которым имеется мало опубликованных работ.

В текущем году я начал работу лексикологического и лексикографического порядка по диалектам. Прежде всего планирую составление диалектологического словаря аварского языка, в который войдут не просто диалектизмы, а и

те слова, которые представляют отклонения от литературного языка своим звуковым составом или семантическими чертами. Словарь будет служить базой не только для теоретических анализов и выводов; он будет иметь практическое значение, из него можно будет черпать слова для обогащения молодого литературного языка аварцев.

Зависимость судеб общего литературного языка аварцев во многом от художественной литературы и ее языка, а также неразработанность этой области обусловили мое желание в дальнейшем заняться исследованием именно языка художественной литературы.

Ш. И. Микаилов
(Махачкала)

1. В конце 1958 г. я закончил монографию «Синтаксический строй стихотворных произведений Пушкина», которая в настоящее время готовится к печати. В своей книге я стремлюсь раскрыть структурное многообразие синтаксического строя стихотворных произведений Пушкина астрофической, строфической и субстрофической формы (распадающихся на строфические периоды). В I главе я останавливаюсь на различных факторах сложности синтаксиса стихотворной речи; во II главе делаю наблюдения над синтаксическим строем поэмы «Руслан и Людмила» и жных поэм Пушкина; в III главе, опираясь главным образом на обследование пунктуации беловых автографов, даю анализ разнообразного синтаксического строения онегинской строфы (по главам романа); IV глава представляет собою развернутый синтаксический комментарий к окончательному тексту поэмы «Медный всадник». Ближайшая моя задача после сдачи книги в печать — изучение синтаксического строя ряда лирических произведений Пушкина.

2. Продолжаю работать над темой «Структурные типы сложноподчиненного предложения в современном русском литературном языке». В своих работах на эту тему я противопоставляю «объемлющие» конструкции сложноподчиненного предложения (присубстантивно-определятельного, местоименно-соотносительного и присказуемоотно-изъяснительного типов), придаточная часть которых входит в структуру главной части, — конструкциям, выражающим причинно-следственные, вре-

менные, условные и уступительные отношения, т. е. таким, которые (особенно в случаях препозиции придаточной части) характеризуются отчетливой расчлененностью своего строения. Я надеюсь в будущем подвести итог своим наблюдениям над структурой различных типов сложноподчиненного предложения в отдельной монографии.

3. В ближайшее время я рассчитываю пачать подготовку к печати своей докторской диссертации «Категория времени в грамматическом строе современного русского языка». За истекшие пять лет в русской и зарубежной литературе опубликовано значительное число работ о категории времени в ее морфологическом и синтаксическом аспектах, было сделано немало ценных критических замечаний по принципиальным вопросам, поставленным в моей диссертации (отношение грамматической категории времени к объективному времени, сущность различия между индикативным и релятивным употреблением форм времени, вопрос о выражении времени в структуре сложного предложения и сложного синтаксического целого). Поэтому при подготовке диссертации к печати я считаю необходимым не только тщательно отредактировать текст, но и частично его переработать.

Н. С. Поспелов
(Москва),

В настоящее время я работаю над вопросами именного словообразования в тюркских языках и веду подготовку к разработке этимологического словаря тюркских языков, который в ближайшие годы должен стать важнейшей темой научных занятий Сектора тюркских языков Института языковедения АН СССР.

Кроме того, я готовлю к изданию второй том «Избранных трудов» чл.-корр. АН СССР Н. К. Дмитриева; первый том «Избранных трудов» находится в печати и должен выйти в свет в этом году. Отдельным изданием выйдет очерк Н. К. Дмитриева «Строй турецкого языка» также под моей редакцией и с моими примечаниями.

В ближайшие месяцы я надеюсь закончить редактирование коллективной работы «История изучения тюркских языков в СССР».

Э. В. Севортян
(Москва)

ХРОНИКАЛЬНЫЕ ЗАМЕТКИ

27—29 сентября 1958 г. в г. Ереване (Арм. ССР) состоялось IV Координационное совещание по диалектологии языков Советского Союза. В совещании приняли участие многие лингвисты Москвы, Ленинграда, Азербайджана, Армении, Белоруссии, Грузии, Киргизии, Литвы, Молдавии, Украины, Туркмении, Эстонии и ряда автономных республик — Башкирии, Дагестана, Татарии. Среди участников совещания были член-корр. АН СССР В. М.

Жирмунский, член-корр. АН СССР Р. И. Аванесов, академик АН Груз. ССР А. С. Чикобава, член-корр. АН Азерб. ССР М. Ш. Ширалиев, член-корр. АН Арм. ССР А. С. Гарибян, член-корр. АН Арм. ССР Л. М. Меликсет-бек.

Во вступительном докладе председателя Координационной комиссии по изучению диалектов языков Советского Союза члена-корр. АН СССР Р. И. Аванесова в качестве первоочередных для дан-